

ОТ АВТОРА

Эти письма передала мне внучка моего героя. Не так давно она ездила в те места, где жил ее дед — Григорий Иванович Случевский. Женщина, что была в далекие сороковые-пятидесятые девочкой и ходила к сестре Григория Ивановича, сохранила шкатулку с письмами.

Девочка, а теперь уже старая женщина, хорошо помнила Григория Ивановича, видела его, когда приезжал он к сестре. Он рассказывал, что попал в свой первый в жизни гулаговский лагерь осенью тридцать восьмого года. Это был Устьвымлаг — лесозаготовки. И хотя они выполняли обязанность давать лес, лагеря были лагерями уничтожения. Те, которые не стали «придурками», то есть не находились на работе, требующей полной затраты физических сил, все те, кто работал только лесорубами, были обречены на уничтожение.

Первую зиму на Первом лагпункте Устьвымлага он прожил в палатке. Это было длинное сооружение из брезента, а в нем — двухэтажные страшные нары; печь — из железной бочки из-под бензина. Печь раскаляли до красноты (около нее невозможно было находиться), но зато в углах палатки — нетающие сугробы снега. Спали, тесно прижавшись друг к другу, и поворачивались только по команде. К весне тридцать девятого из этапа в пятьсот с лишним человек осталось двадцать два.

Писать домой не разрешали. Да и что и на чем могли писать? Все проверялось.

Какие только люди не окружали его! То есть люди-то как люди, но из них сделали шпионов, диверсантов, изменников родины, бандитов, разбойников. Все это было придумано, только чтобы посадить...

Григорий Иванович рассказы-вал с большой осторожностью:

былся. Сейчас есть много литературы на эту тему. Хотят составить книгу, где будут одни фамилии людей, погибших в Великой войне с немецким фашизмом. Но не требует ли народная совесть естественного продолжения вселенской работы — составления многотомной библиотеки книг, где будут напечатаны фамилии всех тех, кто пал жертвой нашего собственного, отечественного фашизма?

Все это было бы людским судом над теми палачами, которым нет прощенья, и, как сказал Пушкин, «и не уйдешь ты от суда людского, как не уйдешь от Божьего суда!».

Когда началась война, Григорий Иванович стал проситься на фронт: слал по инстанции письмо за письмом. Так как вины перед государством у него никакой не было, видимо, решили удовлетворить просьбу.

Ну а теперь предоставим слово ему самому.

ГОД 1944-й ПОЛЬША

Зоя! Милая! Рад, что снова в строю, в части. Бьем, бьем проклятых... Я не жестокий человек, не сторонник убийства, но за то, что они с нами сделали, кара должна их постигнуть. Писал или нет — не помню. Служил и служу на аэродроме, сам не летаю, а потому не убиваю и заповеди не нарушаю. Но за то, что они сделали, душить, душить их надо.

Осколок в легких сидит. Врач сказал, что застрял около сердца и пульсирует вместе с ним. Ну и пусть пульсирует: вдвоем с ним, осколком, сердцу веселее. Нога болит здорово. Сказали, что начинался остеомиелит, но теперь его якобы заглушили.

Счастлив, что возобновилась связь с Марией Алексеевной — тещей — и Риточкой. Особенно бла-

годарен судьбе за то, что в этой страшной психоманке они остались живы. Выслал им денежный аттестат.

О Соне по-прежнему ничего... Это страшно мучает: жива ли... Когда лежал в госпитале на Урале, как-то приехали артисты. Была певица, лицом очень похожая на Соню. Она пела:

Разве мы забудем наши встречи
И любовь, рожденную в бою?
Если ты вернешься искалечен,
Все равно тебя не разлюблю.

Зоя! Не подумай ничего худого. Я никого не завел на фронт и заводить не собираюсь, хотя очень многие не упускают случая.

ПОЛЬША

...Вчера получил большое письмо от Марии Алексеевны. Риточка тоже написала. Ни на что не жалуется. Пишет, что отметки в школе получает только хорошие и отличные. Посредственных нет. Письмо логичное, довольно грамотное. В общем, Маргаритка моя — совершенно взрослый человек.

Письмо тещи скорбное. Читал — и ком подступал к горлу. В сорок первом, когда ушел на фронт, она, как ты знаешь, жила в своей Любуни, что Спас-Деменского района. Внуков ей подбрасывали все сестры Сони. Жила сравнительно неплохо, потому как был большой огород, поросенок, куры, а главное — Зорька, корова. И все-таки оскобых запасов не было. В последних числах июня сорок первого — уже началась война — к ней приехали мои: Соня с Риточкой. А сестры, Нюра и Валя, прислали детей — Юру и Витю. В семье прибавилось четыре человека. Все хотели есть. Все, что выросло на ого-

роде, съели уже к Рождеству, потому как хлеба абсолютно не было. Муки было припасено мало. Зорька перестала доиться, и когда Соню угнали в Германию, они, трое детей и старуха, ходили по Любуни и побирались. Спас их Серафим, муж сестры Нюры.

Серафим попал в Вяземский котел. Их гнали куда-то, как скот. Он бежал и стал пробираться в Любунь — самое близкое родное место. Мария Алексеевна была несказанно рада его появлению: он всегда был мужиком трудолюбивым и предприимчивым. У кого-то выпросил две пчелиные семьи, засадил огород, даже посеял немного пшеницы, накопил Зорьке сена. Несмотря на оккупацию, люди в Любуни копались в земле, что-то выращивали, и такого голодомора, какой был в конце сорок первого — начале сорок второго, не было. Полицай и немцы, делая набег за съестным, забирали в основном кур — самое для них удобное: ощипал, зажарил.

Осенью сорок третьего немцы начали отступать. В злобе и гнѳе зажгли Любунь со всех сторон. Спастиь можно было, только бежав в лес. Люди двинулись. Пошли и наши. Вещи Серафим вез на тележке; Мария Алексеевна вела Зорьку, которой замотали морду тряпкой, чтобы не мычала, но она все равно мычала. Кричала! Риточка вела за руки малышей.

В лесу рос очень высокий папоротник. Они обосновались в нем, сделав небольшой шалаш. Зорьку нечем было кормить, и она перестала доиться: молока давала стакан. Эти крохи делили между детьми. Еда еще была кое-какая. Кроме того, Серафим в кустах нашел кем-то брошенный мешок с пшеницей. Парили на костре.

Немцы и полицай начали прочесывать лес. Почему — неизвестно. Несчастные голодные старики и дети были им, в общем-то,

безразличны. Витя ползал в папоротнике недалеко от шалаша. Полицай случайно наступил ему на ручку. Мальчишка заорал. Полицай уже прицелился, чтобы выстрелить, но крик услышал Серафим и, прибежав, упал перед полицаем на колени. За маленькую баночку меда вымолил Витеньке жизнь. Полицай, дав очередь в воздух, убрался.

В лесу прожили, наверное, месяц, и однажды Серафим прибежал с радостным криком: «Наши идут!» Действительно, шли наши части, и люди потянулись в Любунь — на пепелище. Не остался целым ни один дом. Как и другие сельчане, наши тоже решили идти в Спас-Деменск. В Спасе некоторые дома уцелели, в том числе и дом матери Марии Алексеевны. Мать умерла еще до войны. Поскольку дом был добротный, крепкий, его забрала советская власть — комсомольцы. Дети, Серафим и теща поселились рядом, в сараюшке. После одного из собраний (комсомольцы пили) от окурка загорелась солома. Сгорели дом и подворье. Обвинили Марию Алексеевну: якобы она подожгла. Чудом спаслась от ареста. А Серафима через десять дней после освобождения нашими Спас арестовали: сказали — предатель родины.

Соню немцы забрали зимой сорок второго в Любуне — как жену бойца Красной армии. Забрали тогда только двух женщин: Соню и председателя местного колхоза. Забрали за то, что кто-то убил полицая, приехавшего к родственникам в село. Обоих вначале отправили в Спас, а из Спаса — в Германию. Где теперь моя жена — не знаю. И узнаю ли?..

ГОД 1945-й ГЕРМАНИЯ. ГОРОД БРИГ

Дорогая Зоя! Какое счастье! Нашлась Соня — прислала письмо Марии Алексеевне. Живет у фер-

мера на окраине Берлина. Так как немного владеет немецким, общение не составляет труда. Фермер не бьет, не унижает, сажает за стол вместе с собой. Работает очень тяжело, но также тяжело работают и сами хозяева. Вместе с Соней у фермера трудятся француженка, украинка и немка. Спят, как и хозяева, на кроватях, под перинами. Так что условия сносные, только работа очень тяжелая. Ждет не дожидется отправки домой.

Мы тоже ждем передислокации в Россию. Теперь письмо уже получишь с Родины.

Господи! Как же трудно мы одолели эту махину, с каким трудом сделали эту непосильную работу — войну, какое же это людское несчастье... Может, теперь станем жить по-человечески. Все очень надеются.

Риточка хорошо учится, пишет письма. Так хочется вырваться в отпуск. Говорят о нашей демобилизации. Мне тридцать пятый год, а ничего в жизни еще не сделано. Надо закончить институт. Дел — выше головы.

Обнимаю, дорогая сестра. Пиши. Ты ведь мне вместо матери: разница у нас — семнадцать лет.

ГОД 1946-й ГОРОД КАЛИНИН

Прости, что долго не писал: меня не демобилизовали, а отправили на краткосрочные курсы «Выстрел», после окончания которых стал офицером и сразу капитаном. Это могли, конечно, и раньше сделать: ведь без двух госэкзаменов имею высшее образование. Ладно. Послужу еще и офицером.

В Калининѳе обосновался в феврале, а на днях приехали мои — Соня и Риточка. После четырех с половиной лет разлуки узнали друг друга с трудом: Риточка — совсем большая,

тринадцатилетняя. Замкнутая, но послушная. Учится хорошо. Много читает. Сою узнать трудно: очень худая, да просто изможденная, и почти ничего не осталось от ее прекрасных волос. Хотя не голодала, но от непосильной работы они выпали. Меня ты тоже не узнала бы: абсолютно седой.

Дали в Калинин хуленькое жильё, хотя и отдельное. Комната и кухня. Главное теперь — достать стекло: окна все выбиты.

Соня с понедельника должна выйти на работу в железнодорожную школу — математиком. Купила учебники. Все восстанавливает.

Пропитание — вполне сносное. На рынке есть основные продукты. Мой теперешний оклад позволяет их приобретать. Не беспокоить их приобретать. Не беспокоить их приобретать. Не беспокоить их приобретать.

Привет от моих девочек.

* * *

Недолго музыка играла. Сою пригласили в соответствующие органы и сказали: были в Германии, работали на немцев. Не можем позволить, чтобы такой человек учил наших детей. Подайте заявление «по собственному желанию»...

Черт с ними! Соня забеременела. Пусть отдыхает, набирается сил, ведет наше немудреное хозяйство.

ГОД 1947-Й

Дорогая Зоя! Поздравь с рождением сына! Мальчишка чудесный, спокойный. Назвали Сашкой. Похож на Сою, ну — и чуть-чуть — на меня. Соня — вся при ребенке. Риточка уже помощница, но Соня старается ее не загружать: много уроков задают.

Служба идет благополучно, о нас не беспокойся.

Теперь в отношении полученного тобой из Франции письма.

Конечно, положение Александра¹ невеселое. Закончить Петербургский политехнический институт и крутить баранку таксистом — обидно. Но он сам выбрал этот путь. Он так далек от нас в своей жизни, что и настоящего чувства огорчения у меня нет. Ты уж прости меня, но я ведь его совершенно не помню.

* * *

Милая Зоя! Очень виноват за столь долгое молчание, но причина уважительная. В середине февраля, как раз на свои именины, обнаружил у себя на складе пропажу одной казенной вещи. Событие было настолько из ряда вон выходящее, и последствия ожидалось столь серьезные, что в течение всего следствия был просто невменяем. Но дело повернулось так, что большую часть вины с меня сняли, а за халатность отделался дисциплинарным взысканием. Теперь тебе понятно, почему молчал: писать и не сказать об этом — не мог. Сказать, что жду трибунала — значит, отравить и без того твою нелегкую жизнь. Это происшествие еще раз говорит: надо скорее уходить на гражданку, но я ведь в своей судьбе не волен — военный человек.

Меняю тон. Сегодня взломало Волгу. Все население — на берегу. Вечером и мы пойдем любоваться чудесным зрелищем.

Маргарите купили резиновые сапоги, и дома ее не видно. Софья что-то буйствует, всем недовольна. Трудно мне с нею. В конце апреля собирается в Спас к матери и прикупить немного масла.

¹ Александр — старший брат Григория Случевского. В 1914 году ушел в армию, участвовал в Первой мировой войне. Когда началась революция, как белый офицер попал в Крым, оттуда во Францию. Женился на француженке. Работал таксистом.

Если все будет благополучно, в июне попрошу отпуск и приеду к тебе: очень хочется поговорить.

* * *

Дорогая сестрица! С праздником! Мы его встретили скромно, но сносно. Было все, что люблю: пол-литра и торт «Наполеон». Второго мая ездили с Соней в центр слушать Батурина, одного из ведущих певцов Большого театра. Все вполне прилично, только за праздник с деньгами подрастались, и теперь до полочки придется туго.

Маргарита уже готовится к экзаменам, которые начнутся двадцать первого мая.

Весна стоит отвратительная: до сих пор ни разу не снимал шинель. Вот только сегодня мало-мальски приличный теплый день.

Очень хочется побывать у тебя. Строю план: по дороге к тебе заехать в Ясную Поляну, поклониться Льву Николаевичу. Но это план...

В семейной жизни по-старому: тихие и мирные полосы сменяются полосами молчания и ссор. Черт знает, кто в этом виноват! Наверное, оба.

* * *

...Вчера получил офицерский паек. Сходили с Соней на огород и накопили целый мешок картошки. Ее хватит месяца на полтора. С питанием, как видишь, проблема пока решена. Предстоящие месяцы голодать не будем, а там подождем общего улучшения.

Кухню нашу заняли: вселили семью старшины, так что приходится ходить «через людей». Это неприятно, но что поделаешь? Жилье — не мое. Казенное. Сейчас думаю о постройке сарайчика, куда можно будет сложить дрова.

Соня чувствует себя неплохо. Сашка растет. Ждем Маргариту, которая сейчас в Спасе у бабушки.

* * *

...Только что приехал из командировки: был в колхозе, убирали урожай.

Второго вернулась Маргарита вместе с Марией Алексеевной. Ехали через Москву — фантазия Риточки.

Материально живем совсем прилично: есть продукты, начиная от макарон и кончая компотом. Питаемся хорошо и уже насытились.

Теперь серьезная проблема: ремонт комнаты, постройка сарайчика и заготовка дров.

Перевели на другую работу с повышением, но это не очень радует: все время чувствую себя в каком-то подвешенном состоянии. Скорей бы зажечь нормальной гражданской жизнью!..

Теща здорова, только подзуживает Софью, подзуживает...

Пиши, дорогая. Очень жду твои письма.

* * *

...Зоя! В каком же я гневе и обиде! Вчера было собрание в части по поводу подписки на заем. Спросил, можно ли подписаться не на целый оклад, а на пол-оклада, так как у меня только что родился ребенок, жена не работает, дочь — школьница.

Что началось!.. Со всех сторон зашикали, а кадровик тут же взял слово и все припомнил: и то, что отец был священником, и то, что в тридцать восьмом сажали.

Зоя, Зоя! Доколе же?.. Ну и что из того, что отец был священником? Его не помню — было три месяца, когда умер, — но ты, старше меня на семнадцать лет, рассказывала, что был он очень добрым, отзывчивым,

умел в горе успокоить, помочь советом в трудностях. Разве все священники были плохими только потому, что священники? Это же абсурд! Да, среди них были всякие. Но сколько было умных, образованных, как наш отец, и почему, не зная его, не помня его, должен нести укор, должен быть притесняем, изгоняем только за то, что он был священником? В двадцатые, будучи совсем юным, хотел, как все, вступить в комсомол. Так ведь не приняли. Опять же по этой причине.

Отец никого не обижал, жил на то, что давали прихожане, был очень бедным, потому как беден был приход. Ни копейки не брал с государства, как берут теперешние партийцы, которым платят совсем немалые деньги.

Да, он проповедовал слово Божие, ну а теперь проповедают слово Маркса — Ленина — Сталина. И в одном, и в другом случае человеку навязывается определенная идеология, поучение. А если я не хочу, чтобы меня поучали? Если хочу сам до всего дойти? Или не достоин? Как слепого котенка нужно тыкать в дерьмо?

Припомнили арест. А за что два года провалялся на тюремных нарах? За разбой, грабеж, насилие? Просто имел неосторожность сказать (опять же на собрании), что полагал Ленин по поводу обсуждаемого вопроса. И за это надо было прийти за мной ночью, напугать до смерти бывшую на сносях жену так, что родила она мертвого ребенка, а потом два года, не имея ничего, что мне предъявить, продержат на каторге, а жене с малолетней дочерью не давать нигде работы? И это социализм? Это будущий коммунизм?

Зоя, к власти пришли подонки, нахрапники, авантюристы, а люди боятся. Очень боятся. Страх ско-

вал всех. Я думал, когда двадцать второго июня сорок первого пошел добровольцем, что буду воевать за новую, светлую жизнь, что после войны, такой страшной, кровавой, все всё поймут, и жизнь переменится. Ни черта! Еще пуще поощряется гнусность, которая идет сверху.

Зоя! Милая! Не ругай за то, что пишу все в открытую. Никому, кроме тебя, не могу этого сказать: Софье не до того, да и боится очень. А душа горит и болит. Ведь все мерзости делаются под знаком улучшения жизни народа. А разве я, моя жена, мои дети не народ? Разве они не хотят есть? Разве не я на свою зарплату должен их кормить, чтобы не умерли с голоду? Так почему же, почему должен подписываться на какой-то мифический заем, деньги от которого пойдут — неизвестно куда?

Письмо, как прочтешь, сожги. Обязательно сожги. Прости меня...

ГОД 1948-й УЛЬЯНОВСК

Дорогая Зоя! Давно не писал, так как положение мое самое неопределенное. Дело в том, что назначение в Ленинград отменили, а предложили Мурманск или Архангельск, от которых категорически отказался. Пришлось согласиться на Ульяновск, куда вчера и прибыл.

Это старый купеческий город на высоком берегу Волги. Кроме Ленина, здесь родился и писал Гончаров, в своих имениях жили Языков, Карамзин, Огарев, Денис Давыдов, семья Тургеневых, кое-кто из декабристов; бывал и Пушкин. Сведения успел почерпнуть из брошюрки, которую купил на вокзале.

Назначен служить в училище. Работа будет намного тяжелее прежней и оплачиваться ниже, но

выхода не было: подневольный человек...

Очень плохи дела с квартирами: поселили в канцелярии на стульях. Не знаю, как решу вопрос с приездом семьи, но перевозить нужно. Духом не падаю. Пиши.

* * *

...В жизни моей изменений мало, но завтра обещали дать ордер на квартиру, которая представляет собой комнату с альковом и тремя большими окнами. Комната красивая, светлая, но боюсь, что зимой — из-за окон — будет холодно.

Просишь подробно написать, где и кем работаю. Этого писать не положено. Скажу кратко: работаю в училище, которое готовит кадры для авиации. Работа пока чисто командирская. Получаю тысячу четыреста рублей, паек и обмундирование. Работа трудная, нервная. Но когда начнутся регулярные занятия, говорят, будет полегче. Дисциплина жесткая, требования большие.

О городе уже писал. Материально жизнь дешевле, чем в Калининe, однако плохо с сахаром и промтоварами.

Насчет переезда моей семьи на зиму к тебе скажу так: это было бы, наверное, хорошо, если бы не Софьин характер. Сильно обижаюсь на нее. Уже более трех недель бьюсь как рыба об лед, пытаюсь создать условия для их приезда, а она за все время удосужилась написать два коротеньких письма. Удивительно черствый и эгоистичный человек!

Сегодня ночью снилась мне ты, Зоя, а также отец с матерью, братья и сестры. Конечно, отца не помню, братьев и сестер — тоже: ведь я семнадцатый — последний — у матушки. Лучше всех знаю и люблю тебя. Удивительный ты человек — таких добрых не видывал. Окон-

чила с отличием епархиальное училище, участвовала в Первой мировой войне: работала сестрой милосердия в госпитале. Страдания, кровь, смерть... Вот скажи, почему не вышла замуж за того врача, который предлагал тебе руку и сердце? А все твоя стеснительность, зажатость, деликатность. Так и не устроила собственную жизнь, а потому раздарила ее чужим людям. Вкальываешь в своей конторе кассиром до посинения, боишься просчитаться хоть на копейчку. А сколько раз свои собственные деньги вкладывала, когда тебя другие объегоривали?..

Очень беспокоит твоя астма. Все от сидячего образа жизни, от жилья — холодного и сырого.

Зоя! Зоя! Какие же мы нехватки. Я еще иногда пробую чего-то добиваться из-за семьи, детей, ты же — божий одуванчик...

Очень соскучился по своему сыночку: стал занятый, лопочет.

Пиши, не забывай. Жду твои письма.

ГОД 1949-й УЛЬЯНОВСК

Дорогая Зоя! Вчера ночью вполне благополучно добрались с Ритой до Ульяновска. Жаль только, что в Ясной Поляне не побывали: в понедельник, как мне сказали, музей не работает. Сумел показать барышне Маргарите Красную площадь, были в военторге. За семь часов пребывания в Москве большего не успели.

Дома все благополучно. Сашенька без нас переболел, но сейчас чувствует себя хорошо. Встретил с восторгом: в Москве купили ему мяч и кубики. Все дни играет и болтает без умолку. Всем рассказывает, что тетя Зоя прислала ему «сяколадку».

Вчера был в редакции, но там все в том же положении, что и моего отъезда. Видимо, альма-

нах будет выпущен не раньше октября.

Софья благодарит за подарки. В хорошем настроении. Жалеет, что ты не приехала.

Барышня Рита вчера уже была в школе. Вот посмотрю — проснется ли совесть и напишет ли тебе письмо.

Как только получу деньги, немедленно вышлю долг.

Передай своим друзьям, что высоких бот у нас полно, но только чешские. Если нужно — пусть напишут размеры. Вышлю, а они пусть шлют сахар...

* * *

...Очень виноват перед тобой. Два написанных письма лежат в сумке: все хотелось послать журнал с напечатанным рассказом. Но вижу, что к празднику вряд ли выйдет. Журнал набран, лежит в типографии, но в магазин поступит не раньше конца ноября. Две недели назад получил отзыв на эту вещь из Москвы (посылал ее и в Москву). Отзыв очень хороший. Сказали даже о возможном издании моих опусов отдельной книгой в военном издательстве, но я не столь наивен: все, как говорят умные люди, нужно пробовать, то есть или жить, или ездить в Москву. А бросить и не писать — не могу. Самые лучшие, самые горькие дни связаны с тем, когда пишу. Истинное творчество всегда замешано на сострадании. Мне всегда интересны люди, которые хотят отдать ум, знания и самую жизнь другим. Хочется как-то им помочь, только возможности малы. Всегда охватывает восторг от хорошего пришедшего в руки факта. Это — наивысшее счастье.

Если Бог дал человеку талант, он должен отдать его людям, отдать миру. И никто не имеет права посягать на честь, достоинство,

мозг и душу человека. У нас же многое преломляется и искажается в кривом зеркале жизни.

Есть вечные человеческие темы: любовь, гнев, зависть, сострадание, одиночество. Вот они-то больше всего меня интересуют. Стараюсь находить для их выражения наиболее точные слова. Часто в обыденной житейской фразе есть утешение плачущему, подсознательная уверенность, что, несмотря на все невзгоды, можно пройти по жизни, не теряя собственного достоинства. А самый талантливый писатель, художник, политик, единожды произнесший дурное слово о каком-либо ином, не близком ему народе, — растлитель душ человеческих. Не зря же в Евангелии от Матфея сказано: «От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься».

Почти все существование человечества связано с книгами, которые значили многое в жизни людей. Только они помогали становиться умнее. Современной молодежи совершенно непонятно то время, когда книги жгли, за них сажали, расстреливали. А ведь было, было... Люди часами, ночами засиживаются за глубокой, интересной книгой, получая наслаждение.

Три дня назад присвоили мне очередное звание. Теперь — майор, а к окладу ежемесячно прибавится сто десять рублей.

Дома все благополучно. Саше купили валенки с галошами. Он, как ежик, топает в них дома целый день.

У нас сегодня совсем зима, а вчера была прекрасная солнечная погода. Готовимся потихоньку к ноябрьским праздникам. Проведу их серо: в праздники — усиление. Приходится допоздна быть на работе. Но все же девятого, если Софья не растратит «капиталы» на муку и сахар, думаю устроить небольшую

вечеринку для литературных друзей.

Да! Очень советую взять в библиотеке «Открытую книгу» Каверина. Это в «Новом мире». Прекрасная вещь!

Крепко целую и шлю привет от семейства.

ГОД 1950-й ПОЛЕССК

...Сейчас поймешь, почему так долго не писал. Это письмо придет из Полесска Калининградской области. Прибыл со своими товарищами к новому месту службы. Городок Лабиау, а теперь Полесск, находится между бывшим Кенигсбергом, а теперь Калининградом, и Тильзитом, или Советском. Восточная Пруссия. Кенигсберг превращен в груды развалин и щебня, а Лабиау — целехонек. Удивительно живописный городок, утопающий в зелени, но сейчас, в январе, ее, конечно, нет. Однако много вечнозеленых растений. Когда выпадает снег, кажется, что попал в андерсеновскую сказку.

Сказали, всем офицерам дадут хорошие квартиры в бывших немецких домах с лужайками и садиками.

Мои остались в Ульяновске, но как только получу жилье — перевезу. Страшно тяжело было подыматься, однако имущество все привез (дали контейнер). Думаю, в феврале будем вместе.

Если бы ты знала, как надоело мотаться по белу свету, мотать семью. Рита в девятом классе: она же год в войну пропустила. Опять ей придется учиться в новой школе. Вот теперь будем жить на самом пороге Родины.

Ульяновский альманах издан. Рита вышлет тебе бандеролю. В Москву отправил новую повесть. Что скажут?

Береги себя и пиши.

* * *

...Зоя! У нас в Прибалтике уже совсем тепло: ручьи, капель. На весенние каникулы Риту решили к тебе не посылать: материальные соображения. Ты уж не обижайся.

Хочу написать о необыкновенном сне, в котором было все как наяву, как на самом деле. Обычно так устаю, что сплю без сновидений, а тут снится мне тридцать восьмой год, село Выходы и собрание в школе, на котором тогда сказал, что Владимир Ильич Ленин писал о добровольной, планомерной работе по развитию кооперативных начал в деревне, об использовании мировой научной мысли и знаний спецов, о сочетании энтузиазма и материальной заинтересованности, деликатном преодолении культурного варварства.

Что же началось! Меня тут же, на собрании, обвинили в антисоветчине, а в октябре взяли. За антисоветскую агитацию и пропаганду. Припомнили и отца-священника. Слава Богу, что хоть не били, не пытали — повезло. Дали десятку. Но Бог помог. Отсидел только два с половиной. В моем деле, как и в делах многих таких, как я, конечно же, было влияние Вышинского¹. Сталину такие, как он, нужны были. Но я ни в чем не признавался. А в чем было признаваться?..

Намучились тогда Софья с Риточкой по-страшному. Как только

¹Вышинский Андрей Януарьевич — советский государственный деятель. Зловещая, страшная фигура. Занимая очень высокие посты, с наслаждением унижал подчиненных, коллег, заслуженных — уважаемых профессоров. Люди говорили, что у него было невероятное обаяние держиморды. Его кредо: признание обвиняемого — царица доказательств. Это кредо давало возможность оправдывать любой произвол, любые методы следствия.

меня посадили, Софью начали гонять. Выгнали вначале из всходненской школы, хотя преподавала не литературу, не историю, а математику. Переехала в другое село. Опять выгнали. Переехала в третье. И только когда в тридцать девятом меня выпустили, мы вернулись в Спас-Деменск, и обоих снова взяли учителями.

Софья к тому времени заочно окончила пединститут, а мне пришлось восстанавливаться, так

как два года пропустил. Поэтому госэкзамены сдавал только в июне сорок первого. Сдал половину, и началась война. Диплом, конечно, не получил, а во время войны все в Смоленске сгорело. После войны нашел трех человек, которые подтвердили, что сдавал госы, но поскольку сдано было не все, сказали, что диплом дадут, если все госэкзамены сдам заново и еще некоторые предметы, которые не вошли в госы. Надо очень сильно готовить-

ся, а сил и времени нет. Не знаю, что делать.

* * *

Милая сестрица! Пишу открыточку с дороги. Мы уже в Туле. Добрались без особых казусов, хотя Софья стонет, что болят ноги. Из Тулы уедем, наверное, только утром: так удобней.

Крепко целуем и благодарим за прием.

Продолжение следует.

г. Москва